Шестая палата / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 21 января, 2025

Шестая палата / рассказ ШЕСТАЯ ПАЛАТА

– Кровать несут, – произнес, ни к кому не обращаясь, Карли, прислушавшись к звукам доносившимся из коридора. Не успел он закрыть рот, как дверь палаты распахнулась и две молоденькие медсестры стали заносить кровать.

Байджан тотчас вскочил.

– Что это вы делаете?!

– Сами не видите? – огрызнулась красивая медсестра.

– Четырех кроватей вам здесь мало? Совести у вас нет. Можно подумать, что это не больничная палата, а склад. – Байджан так решительно направился к девушкам, что – можно было подумать – сейчас он выкинет уже наполовину внесенную в палату кровать в коридор. Но вместо этого он только провел ладонью по прутьям спинки, словно удостовериваясь, что кровать ему не примерещилась, и вернулся к своей койке. – Конечно, кроватей больше, койко-мест тоже больше – будете потом рапортовать о трудовых победах. А сколько из-за этого больным беспокойства? Только вам что – нету у вас совести, нету!

Худенькая смуглая девушка что-то шепнула своей красивой подруге, и обе медсестры молча покинули палату, оставив кровать в дверях.

Байджан, шумно дыша, уселся на своей кровати и, глядя ладонями жирные щеки, посмотрел в сторону Карли, будто говоря «Ну, как я их?!». Карли молчал. Тогда Байджан приказал Карахану, чья койка стояла у дверей:

– Иди, выкинь кровать в коридор.

– Я кровать выкину, а меня из больницы вытурят, – пробубнил длинный и худой, как жердь, Карахан.

– Пока не вылечат, не имеют права, – подал голос четвертый обитатель палаты – Какыш, такой же круглощекий как Байджан. После этого жалобно заскрипели пружины его кровати, это Какыш решил сесть, чтоб удобней было разговаривать.

– Ты говоришь о праве, а я о правде, – сказал Карахан. – Если врачей разозлишь, они на все способны. Сделают на всю жизнь инвалидом, и ничего не докажешь. У них и шприцы, и лекарства. Когда тебе, Какыш, укол делают, ты что – проверяешь, какое лекарство в шприце? Да и как проверишь? А если больной умрет, так врачу в лучшем случае выговор объявят. Вот и все.

– А если будешь молчать, эти бессовестные кровати здесь впритык поставят, – сказал Байджан и овел взглядом палату. Он все еще ждал реакции на свой недавний героический поступок.

– Только у нас четыре кровати. В других палатах и по пять, и по шесть стоят. В девятой вообще восемь кроватей, – сказал Карли, глядя на Байджана. Похоже он не одобрил его поведения.

– Карли-джан, я и говорю, что у них совести нет. Скоро в два яруса кровати ставить начнут. А им бы лучше побеспокоиться о новой больнице. Современной, многоэтажной. Кто им мешает такую построить? Никто, уверяю тебя, никто. Просто они абсолютно о покое больных не думают.

– Золотые слова, Байджан. Сущую правду говоришь. – Какыш подошел к тумбочке Байджана и налил в свою большую пиалу чай из китайского термоса.

– Наливай, наливай, не стесняйся! – сказал Байджан. – Там на второй полочке конфеты лежат. Хорошие, импортные. Вчера кто-то принес. Все несут, несут...

– Спасибо, дорогой! – Какыш взял полную горсть конфет и медленно, чтоб не расплескать чай, направился к своей кровати.

– Скоро завтрак принесут, а пока мы кишечки чайком промоем.

– Друзей у меня, слава Аллаху, много. Все принесут. Попрошу, так и птичье молоко достанут, – Байджан вздохнул и повернулся к Карахану. – Вынеси эту кровать, я тебя прошу.

– А что врачи потом скажут?

– Если спросят, кто вынес, на меня укажи. Скажи: «Байджан вынес». Кто бы ни пришел, я сам с ним поговорю.

Карахан стал нехотя подниматься, но в это время в палату вошел дежурный врач, а следом за ним те две медсестры, что принесли кровать. Дежурный врач остановился у порога, обвел взглядом палату и, заметив Байджана, приветливо улыбнулся.

– А-а, Байджан! Ты здесь. Ну, как дела – поправляешься?

– Поправляться-то поправляюсь, но покоя совсем нет. Вы сколько больных сюда набить решили? И так уже четыре кровати!

– Не волнуйся, Байджан, тебя беспокоить не будем. – Дежурный врач повернулся к медсестрам. – Я же сказал отнести в шестую палату.

– Это и есть шестая палата, – улыбаясь ответила красивая медсестра.

– Несите в седьмую. Сколько раз можно повторять.

– В седьмой и так семь кроватей.

– Ничего, будет восемь.

– Там ее и ставить негде, а здесь, смотрите, как свободно, – упрямылась медсестра.

– Все! Разговор окончен. Берите кровать и несите в седьмую палату. Да мигом. Сейчас операция закончится, а кровать еще не готова. – Дежурный врач ушел, а девушки с шумом поволокли кровать в соседнюю палату.

– Я, Карахан, думаю, что второго человека с такой заячьей душой, как у тебя, на свете и не найти, – заговорил Байджан. – Гаишники тебя совсем запугали, ха-ха-ха? Слава Аллаху, что я не шофер.

Дверь приоткрылась. Красивая медсестра предупредила, что начался обход. Она уже собиралась идти дальше, но Байджан сказал:

– Задержитесь на минутку, красавица, пожалуйста, мы вас очень просим. Понимаете, мы, жильцы этой палаты, вот чем интересуемся... – Байджан с улыбкой смотрел на девушку. – Вы, простите, замужем или нет?

– А вам-то что до этого?

– Хотим узнать, нашелся ли такой отчаянный джигит, который решил соединить с тобой свои пожитки. Если нашелся, пусть к нам заглянет. Полюбujemy этим храбрецом, ха-ха!

– А я смотрю на вас – никакой вы не больной. Вам бы хлопок в поле собирать...

– Это кому здесь пора хлопок собирать? – спросил Ашир Нарлыевич, входя в палату в окружении врачей и медсестер.

– Овлякулиеву. Его, Ашир Нарлыевич, уже вполне можно выписывать, – не сробела перед зав.отделением красивая

медсестра. – Шов давным-давно зажил...

– С каких пор, Ашир Нарлыевич, вам медсестры указывать стали, кого лечить, а кого выписывать...

– Ну, ну, не серчай, Байджан! Что ты на ребенка обижаешься. Молодая, горячая...

– Я не ребенок, Ашир Нарлыевич! – отрезала медсестра и резко повернувшись вышла из палаты.

– Вот оно современное воспитание, – посетовал Какыш, преданно глядя на Байджана.

– Байджан, да она – твоим детям ровестница. Не обращай на нее внимания. Молодежь теперь такая, – Ашир Нарлыевич присел на край кровати. – Лучше скажи, как самочувствие? Как спал?

– Спал, как ягненок.

– Хорошо. А ну-ка, приподними рубаху. А шов-то и в самом деле зажил. Теперь можно и выписываться.

– Торопитесь, да?

– У каждого, как говорится, своя выгода.

– Если вы тот разговор ввиду имеете, Ашир Нарлыевич, так не беспокойтесь, я своего обещания не забыл. Считайте, что все уже сделано. А выписываться действительно пора. Надоело. Вонь ваша больничная... Завтра оформляйте выписку.

– Здесь я решаю: кого выписывать, а кого еще лечить. Насчет выгоды я пошутил, Байджан. Дела подождут, главное – здоровье!

– Да я уже и так порядочно здесь вылежал. Другие после аппендицита на шестой день домой отправляются, а я десятый лежу.

– Куда торопишься, Байджан? – вместо доктора ответил Какыш. – Отдохни еще два-три дня. Вместе выпишимся. – В его голосе слышалось беспокойство; так бывает встревожен малыш, которого мать собирается оставить одного.

Ашир Нарлыевич что-то вполголоса сказал медсестре, которая шла рядом с ним с журналом в руках, потом, мельком глянув на Карли, подошел к Какышу.

– Поднимите рубаху.

– Доктор, а когда вы меня выпишите? – сказал обойденным вниманием Карли дрожащим от обиды голосом.

– Когда надо будет, тогда и выпишем.

– Вы меня даже не осмотрели, а у меня на месте шва гнойнички появились.

– Что ж ты спрашиваешь, когда отпустим. Пока гной есть, о выписке говорить рано, – отрезал Ашир Нарлыевич, а потом обратился к Какышу: – Начальник ваш звонил. Справлялся о вашем самочувствии, просил побыстрее вас на ноги поставить. Вы, что жаловались?

– Что вы, что вы, Ашир Нарлыевич, – беспокойно захлопнул Какыш.

– Что-то мне ваш шов не нравится, – сказал Ашир Нарлыевич, разглядывая большой круглый живот Какыша. – Трещинка какая-то появилась. Как аппетит?

– Терпимо.

– Как это понимать.

– Какой аппетит у больного человека. Ем понемногу, чтоб голод не мучал.

– Надо есть. И первое, и второе. Хлеба постарайтесь кушать поменьше, и от жирной пищи воздержитесь. А молока пейте, сколько душе угодно.

– Спасибо, доктор. Сто лет живите.

– Ашир! – сказал Байджан, обращаясь к дежурному врачу. – Осмотри, дорогой, Карахана. Он уже надоел мне. Только и слышно от него: осмотри да осмотри. Будто другого слова не знает.

– Карахан Хекимов, – прочитала медсестра в журнале. – Четвертый день после операции.

– Обязательно осмотрим, Байджан. Следить за здоровьем пациентов наша святая обязанность, товарищ Хекимов, – разговаривал точно с капризным ребенком врач, осматривая Карахана. – Повязку смените, – другим голосом сказал он медсестре, закончив осмотр.

Ашир Нарлыевич и вся его свита покинули шестую палату. Все облегченно вздохнули.

Карли чувствовал себя оскорбленным.»Жирного Какыша осмотрел. Поговорил, совет дал. Байджану так вообще шов поцеловать готов. А ко мне даже не подошел...» – он тяжело вздохнул и отвернулся к стене.

В это время дверь приотворилась и в щель просунулась голова

больного из соседней палаты:

– Овлякулиев!

– Я, – нехотя привстал Байджан.

– Вас вызывают.

– Скажи, пусть сюда идут.

– Не пустят.

– Еще как пустят. Пусть скажут, что к Овлякулиеву идут.

Через некоторое время гонец вернулся:

– Я же говорил, что не пустят. Если можешь встать, иди, пожалуйста, сам.

– Иди, Карахан, приведи их. Объясни толком к кому они пришли. Мне сейчас что-то вставать неохота.

Но и Карахан вернулся ни с чем.

– Не пустили, Байджан. Говорят, хоть к Овлякулиеву, хоть к кому – не положено.

– Это кто ж такой принципиальный?

– Красавица, та самая

– Нет у человека совести, – слабым голосом проговорил Байджан с трудом, точно немощный старик, садясь на кровати.

– Не успокоится, пока подарка не получит, – поставил диагноз Какыш. – А может она в тебя, Байджан, влюбилась, а? Заигрывает?

– Тоже мне любовь, – ворчал Байджан. – Утомила она меня совсем. – И шаркая тапочками, он пошел к двери.

Вернулся Байджан через полчаса, неся две тяжелые авоськи. Толстяк Какыш с неожиданным проворством кинулся ему навстречу и выхватил одну из них.

– Да разве можно тебе таскать тяжести? Позвал бы нас.

– Конечно нельзя, но если эта упрямая гостей ко мне не пускает. – Байджан поставил авоську возле тумбочки и тяжело опустился на кровать.

– В тумбочку сложить? – спросил Какыш, перебирая завернутые в бумагу гостинцы.

– Зачем. Сейчас все съедим. Вставайте, товарищи! – торжественным тоном произнес Байджан и плавным взмахом руки пригласил всех к своей тумбочке. – Принесли столько, что на всю больницу хватит. Мясо парное, – сказал он, развернув один

сверток. – Та-ак. Сейчас мы его мигом. А в кастрюле что?

Какыш поднял крышку.

– Шурпа. – Какыш невольно проглотил слюнки.

– Все, все вытаскивай, – поторапливал его Байджан.

– О-о! Яблоки! Пару штук возьму себе? Можно?

– Бери, Какыш, бери! Тут всего навалом. И хлопцам дай. Берите, ешьте на здоровье! Хорошая еда – самое лучшее лекарство.

Через миг обе авоськи были опорожнены, и Байджан отправился отнести их своим приятелям. Какыш тем временем, выбрав шесть огненно-красных яблок, отнес их в свою тумбочку, достал из-под подушки большую деревянную ложку и, усевшись на кровати Байджана, налег на шурпу. Ел он аппетитно причмокивая, ловко вылавливал ложкой куски жира. Следом подошла и очередь паровой говядины. Чавканье стало невыносимо громким. Карли не вытерпел:

– Браток, ешь, пожалуйста, потише.

– Все такое вкусное...

– На здоровье! Только, пожалуйста, не чавкай.

Вернулся Байджан. Правой рукой он поглаживал место операции, а на лице у него сияла улыбка:

– Не болит! – радостно сообщил он. – Даже когда надавливаю, не болит. – Байджан сел на край кровати, налил себе пиалу чая. – Подходите, ребята, не стесняйтесь. Что вы, ей-богу, словно красны девицы?

– Как наша медсестра, да? – пошутил Карахан, и больше всех довольный своей шуткой подошел к импро-визи-рованному столу.

– Не вспоминай о ней, Карахан. Бери, кушай. О-го, мясо что, кончилось?

– Да его совсем немного было, – равнодушным тоном сообщил Какыш и, взяв с тумбочки еще два яблока, пошел к своей койке.

– Ничего, что я яблоки взял?

– Какой разговор, бери, ешь на здоровье! И ты, Карахан, не стесняйся. Кончатся – еще принесут. Пока я здесь, вам, ребята, о еде заботиться не надо. Не дам я вам похудеть. Эй, спишь что-ли! – окликнул Байджан лежавшего повернувшись лицом к стенке Карли. – Что-то я тебя, Карли, не пойму. Не лежи, как обиженный, подсаживайся к нам. Не бойся – не отравлено. Я тебе

так скажу: нет лучше друга, чем тот, с кем был на войне или в больнице. Нас, понимаешь, боль общая сроднила. Нет, честно скажи, может мы чем тебя обидели?

– Да нет же, нет. Просто я по утрам много не ем. Аппетита нет.

– Яблоко хоть съешь.

Дверь открыла пожилая женщина и, почему-то глядя на Какыша, сказала:

– Байджан, к тебе там пришли.

– Сейчас иду, – откликнулся Байджан и, подмигнув Какышу, прибавил. – Я же говорил, что сегодня гостям конца не будет. Он ушел, а Какыш принялся за яблоки. Ел он их аппетитно, с громким хрустом, так что Карли в конце конце не вытерпел и приподнявшись на локте посмотрел сколько яблок еще осталось.

– Чего надо?.. – перехватив его взгляд, с тревогой спросил Какыш.

– Покоя...

Через несколько минут вернулся Байджан. Положил на тумбочку свернутый из газеты кулек и сообщил:

– Племянница приходила.

– А это что? – Какыш взглядом указал на кулек.

– Орехи кажется.

– Да, орехи, – подтвердил Какыш. – Крупные. С базара, наверное. Интересно, не горчат?

– Попробуй. Вы, ребята, тоже берите. Слава богу, друзья и родственники не забывают. Несут и несут.

– Уважают, – сказал Какыш ртом полным орехов.

Через некоторое время привезли в палату завтрак.

– Я не буду! – тотчас объявил Байджан, строго сведя брови, точно ему предлагали сделать что-то нехорошее.

– Говорят, богу неуютно, когда отказываются от еды, – сказал Какыш, протирая свою большую, принесенную из дому миску. Он подошел к раздатчице и сообщил: – Доктор рекомендовал мне есть побольше мяса.

– А нам доктор ничего такого не говорил, – отрезала раздатчица, глядя на Какыша немигающим взглядом.

– Забыл, наверное, – миролюбиво согласился Какыш. – Ладно, Байджана порцию мне давай.

– Не дам. Если он есть не хочет – это его дело, а вам не дам. Не положено.

– Как это – не положено? – возмутился Байджан. – Совести у вас нет! Будто из своего кармана даете! И так вашу стряпню есть невозможно, так вы еще ложку каши выгодать стараетесь. Отдайте этому человеку мою порцию!

Перед тем, как начать завтракать, Карли сказал:

– Какыш, хочу тебя попросить...

– Дорогой, прошу тебя, ни о чем меня не проси, – не дал договорить ему Какыш и рассмеялся своей шутке.

– Ешь, пожалуйста, тихо. Не чавкай. Не могу слышать.

– А ты ешь и не слушай!

Кто-то постучал в дверь. Потом она медленно приотворилась, и в палату проскользнул франтовато одетый молодой человек, чернявый, с аккуратными усиками.

– О-о, кто пришел! – радостно произнес Байджан, вставая навстречу парню. – Наш драгоценный зам. А усики, усики, смотрите, у него какие!

– Башлык-джан, без тебя у нас, ей-богу, как на кладбище. И на работу идти неохота. Никакого интереса. Теперь люди поняли, на ком все у нас держится.

– Ладно, ладно, сладкоголосый мой!

– Башлык-джан, моя жена специально для вас плов сварила. Вот, горяченький... – Зам растерянно посмотрел по сторонам, не зная куда пристроить свой сверток.

На помощь ему пришел Какыш.

– Сейчас место расчистим, – говорил он, перекладывая банки и свертки, что лежали на байджановой тумбочке, в свою. – Ничего, ничего, пусть здесь полежат – разницы нет. У нас, можно сказать, все общее.

– После завтрака Карли отправился погулять. Он шел, держа руку на боку, и ему казалось, что тепло ладони делает уколы боли менее резкими. Но все равно долго ходить было трудно и, заметив свободную скамейку, он сел. Ему повезло. Все скамейки, что стояли вдоль аллеи, были заняты. От ворот больницы к корпусу почти непрерывным потоком шли люди. Глядя на них,

можно было подумать, что половина города оказалась внезапно в больнице, а вторая половина несет им передачи.

«Да разве только в передачах дело?» – с горечью думал Карли. Его изводила тоска. Как это ужасно, если не с кем даже поговорить по душам. Вот на работе другое дело. Там то один придет поспорить, то другой. А сюда никто не пришел. Хотя наверняка знают, что он в больнице. А когда выпишется, скажут, что не знали, не слышали, или что были очень заняты срочной работой. Нет, при желании всегда найдется время, чтобы навестить больного приятеля. Ну и черт с ними! Просто нужно работать там, где ты действ-вительно нужен людям. А кому нужен твой чертов НИИ, Карли?! Что о чужих говорить, если родной брат только один раз навестил. Забежал, как в больницу положили, а после даже не справился, как прошла операция. Впрочем...В прошлом году, когда Язли сломал ногу, он, Карли, тоже был у него всего один раз. Выходит – квиты!

Карли казалось, что здесь, в больнице он сделал открытие. Прикованный к больничной койке человек страдает от одиночества гораздо больше, чем здоровые. В больнице как-то особенно не хватает сердечности, дружеского общения. Но здоровые люди так беспечны, не думают, что тоже однажды могут оказаться на больничной койке.

Пожилой мужчина присел на скамейку рядом с Карли. Закурил, и вдруг Карли, который вообще-то не курил, попросил у него сигарету. Но первая же затяжка заставила его раскашляться до слез. Карли бросил сигарету на землю, растоптал. Когда приступ кашля кончился, ему стало неловко перед стариком. Он встал и ушел, пошел бродить по больничному парку. И гулял так до самого обеда. А в палату возвращался с надеждой, что после долгой прогулки удастся ему быстро заснуть.

– О, наш пропащий объявился! – первым отреагировал на его появление Байджан. – Что случилось? Каждый день исчезаешь куда-то?

– Гулял, – холодно ответил Карли.

– Я взял тебе порцию, – сообщил Карахан. – И чай заварил. Давай налью.

– И мне налей, – подставил свою большую пиалу Какыш.

– Кто из вас Какыш? – спросила заглянувшая в палату женщина. – Жена пришла.

– Иду, иду. – Какыш со значением кашлянул, хотелось похвастаться, что к нему тоже пришли посетители. Перед тем, как выйти в коридор, он важно обвел взглядом палату, будто хотел запомнить, где что лежит и не будет ли перемен за время его отсутствия. Его не было не долго. Минут через десять он вернулся, неся большую черную сумку. Он поставил ее на свою кровать и стал разбирать.

– Все несут, несут, – приговаривал он, вынимая из сумки пакеты. – Разве один человек столько съесть может. Говорю им не несите, да разве послушают.

Опорожнив сумку, Какыш тотчас начал складывать в нее свертки, что лежали в его тумбочки.

– Передам жене. Чем здесь сгниет, пусть лучше дети едят. – Перекочевали в корзину и огненно-красные яблоки, и сверток с орехами.

Чтоб не видеть ничего этого, Карли прикрыл лицо полотенцем и почти сразу провалился в сон. Уже вечером разбудил его Карахан. Он тряс его плечо:

– Просыпайся. Жена пришла.

Когда в конце коридора, за стеклянной дверью Карли увидел жену, он в первый миг испытал не радость, а жалость. Жена стояла уставшая, с низко опущенной головой, прядь волос выбилась у нее из-под платка.

– Еле вырвалась, – сказала она, когда Карли подошел к ней. – Пока детей из садика забрала, пока ужин готовила – смотрю, уже совсем темно.

– С кем детей оставила.

– С кем я их оставляю? Сами. Ничего, мы как-нибудь обойдемся. Как ты? Как здоровье? Скоро выпишут? Как иду в больницу, дети просят: «К папе хотим!».

– И я соскучился. – Карли на миг прикрыл веки, пытаюсь представить лица детей.

На обратном пути в палату, Карли окликнула медсестра, та самая, красивая, что утром спорила с зав.отделением.

– Скажите, пожалуйста, а этот толстый, ну, Овлякулиев, он кем

работает?

– А ты что, не знаешь?

– НЕ знаю. Вижу, что богатый. И что нечестный.

– Я думал, его в городе все знают. – сказал Карли. – Он директор универсама.

– Зла мне на таких людей не хватает.

– Уймись. С работы выгонят, – равнодушно произнес Карли.

– Уже. С завтрашнего дня буду работать в детском отделении.

– Может оно и лучше.

– Там тоже такие порядки – дети начальников, к ним отношение особое.

– Трудно тебе жить.

Они вместе дошли до палаты. Медсестра пропустила Карли вперед, а сама вошла следом и стала молча раздавать градусники. Вскоре она вернулась с журналом. Байджан притворно испуганным голосом произнес:

– Ого, оказывается у меня температура. Выше тридцати восьми... Я же чувствую, что мне хуже стало.

Медсестра встряхнула градусник.

– Могу записать, что тридцать семь.

Байджан не сразу нашел, что ответить. И уже вслед крикнул:

– Ну, что за девка! Совсем совести нет!

– Современное воспитание, – с готовностью подсказал Какыш, втирая о рукав пижамы большое яблоко.

– Не носить мне моего имени, если не добьюсь, чтоб ее с работы выгнали. Честное слово, даже взятки дам, но научу ее людей уважать. Я... – Байджан умолк, раздумывая, чем еще ему поклясться, но в это время из коридора донесся крик: «Овлякулиев! На выход!».

– Люди нынче очень прилипчивые, – философствовал он, нашаривая под кроватью тапочки. – С утра до ночи будут ходить – знают, что я пригожусь. Ха-ха-ха! Но, ничего. Я тоже крепкий орешек.

– Это верно, – не удержался Карли.

Минут через пять в палату забежал какой-то мальчишка.

– Карахан! Какыш! Дядя Байджан сказал, чтобы вы к нему пришли. Он вас во дворе ждет.

Оставшись в палате один, Карли стал думать над тем, почему

Байджан позвал только Карахана и Какыша. Обиделся? Унизить хочет? Он так и не смог найти ответа – Карахан и Какыш вернулись почти сразу. Каждый нес по тяжелой сумке.

– Нет, он, вообще, с нами как с рабами обращается, – возмущался Какыш. – »Сумки, – говорит, – возьмите!», а сам даже головы не повернул. Пусть дураков поищет в другом месте. Я ему не раб.

– Нездоровится ему. Температура, – сказал Карахан, доставая из сумки банку с вареньем.

– Его температура – мне до лампочки. Пусть со мной считается, недоучка несчастный. Я его выходки терпеть не намерен. Слава богу, должность у меня не меньше, чем у него – заместитель начальника треста. Это вам – не шурум-бурум!

Выплеснув злость, Какыш стал разбирать содержимое сумки. Пару чебуреков и четыре граната положил в свою тумбочку. Тут и Байджан вернулся.

– Ну, ребята, – прощальный ужин, – объявил он. – Завтра выписываюсь домой. Давайте сейчас почаевичаем напоследок.

– Верная мысль! – тотчас откликнулся Какыш, и в голосе его уже не было прежнего раздражения. – Жаль, конечно, расставаться. Да и продуктов столько – обратно их повезешь что-ли?

– Ничего, Какыш, с продуктами мы прямо сейчас разберемся. До завтра ничего не оставим. Ты сходи, ополосни чайники, Карахан сейчас с кухни кипятку принесет. А мы с Карли пока стол накроем.

Ни слова не говоря Какыш пошел ополаскивать заварные чайники. Вернувшись он поставил их на тумбочку Карахана, а сам, сев на край байджановой кровати, сказал плаксивым тоном:

– Значит бросаешь нас, Байджан. Как мы тут без тебя... Я, ей-богу, привык к тебе, как к брату. Да у тебя во-он сколько знакомых, небось, выйдешь отсюда – сразу нас забудешь.

– Бросьте. Для вас мои двери в любой час открыты. Приходите, но только с деньгами! Ха-ха-ха! Э-э, в наше время надо радоваться, если за деньги удастся что-нибудь купить.

– Будем живы-здоровы – обязательно придем, – заверил Какыш и пододвинулся ближе к Байджану.

Ночью Карли спалось плохо. Перед взором стояли лица друзей, приятелей. В мыслях он разговаривал с ними, пенял, что они забыли о нем, не навещают его в больнице. Потом внимание его привлек какой-то звук. Он прислушался.

– Мыши что-ли?

– Да, наверное, мышь, – отозвался Карахан. – Я тоже слышу: хрусть-хрусть, хрусть-хрусть.

– Надо свет включить, – сказал Карли.

– Не надо лампочку включать, – свистящим шепотом попросил Какыш. – Это я. Проголодался чуток, думаю, дай чебурек скушаю...

– Ну, что вы, ей-богу, совести у вас нет. Только заснул, – разозлился Байджан.

Карли отвернулся к стене, накрылся с головой одеялом. Но это помогло мало: хруст слышался теперь попеременно с чавканьем...

Осман ОДЕ. Некауалар